

На кафедру археологии  
ЛГУ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА  
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

СЕВЕРНАЯ РУСЬ И ЕЕ СОСЕДИ  
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*Межвузовский сборник*



Издательство Ленинградского университета  
Ленинград, 1982

ребряной монетой.<sup>19</sup> Начавшийся в последней четверти X в. приток западноевропейского серебра на Русь проходил главным образом через Новгород.<sup>20</sup> Серебро не только становится для Новгорода одним из видов импорта, но и служит в дальнейшем, до середины XV в., постоянной статьей новгородского режпорта в другие русские земли.<sup>21</sup>

Вес монет Ярослава новгородской чеканки, несколько превышающий 3 г, соответствует норме ногаты южнорусской денежно-весовой системы,<sup>22</sup> чем подтверждается принадлежность этого монетного выпуска именно к эпохе рубежа X—XI вв., когда чеканка древнейших русских монет продолжалась всего в течение 25—30 лет. Позже, во время длительного киевского княжения Ярослава Мудрого (1019—1054 гг.) чеканка монет уже не производилась.

<sup>19</sup> Сотникова М. П. Итоги изучения русских монет X—XI веков в Государственном Эрмитаже. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 9.

<sup>20</sup> Потин В. М. Указ. соч., с. 23, 52.

<sup>21</sup> Черепнин А. И. О гривенно-денежной системе по древнимкладам. — ТМНП. М., 1901, т. 2, с. 190, 204; Baner N. Die Silber und Goldbarren des russischen Mittelalters. — Numismatische Zeitschrift, Bd. 64. Wien, 1931, S. 76—60; Бауэр Н. П. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-Восточной Руси. — ПИ, 1940, с. 202; Сотникова М. П. 1) Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. — СА, 1957, № 3, с. 59; 2) Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. — ТГЭ, 1961, т. 4, с. 47; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV веках. М., 1963, с. 271, 280—283.

<sup>22</sup> Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 170.

В. А. БУЛКИН

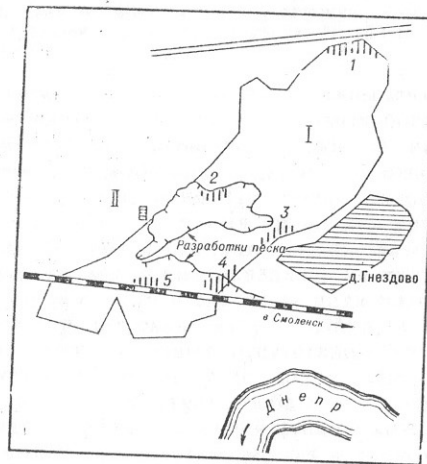
### «КУРГАН 97» ИЗ РАСКОПОК С. И. СЕРГЕЕВА В ГНЕЗДОВЕ

Первый систематизированный отчет о раскопках курганов в Гнездове вышел в свет в 1905 г.<sup>1</sup> А. А. Спицын, публикуя материалы С. И. Сергеева, несколько сократил дневниковые записи автора раскопок и ввел свою сквозную нумерацию курганов (№ 1—97), а соответствующую посезонную нумерацию С. И. Сергеева проставил в скобках. Под последним номером в публикации перечислена большая группа вещей: украшения, оружие, бытовой инвентарь и др. А. А. Спицын уже на первых страницах своей работы нередко ссылается на эти якобы проис-

<sup>1</sup> Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК, 1905, 15, с. 6—70.

ходящие из кургана 97 находки.<sup>2</sup> Впоследствии за ними закрепляется этот паспорт, а С. И. Сергеев становится автором раскопок кургана.<sup>3</sup> Новый пересмотр архивной документации приводит к выводу, что ни то, ни другое не соответствует действительности.<sup>4</sup>

На протяжении последних ста лет поселок Гнездово и прилегающие территории неоднократно оказывались в зоне крупных строительно-дорожных работ, что стало причиной гибели сотен курганов и значительных поврежденных слоев древних поселений.<sup>5</sup> Выемки зияющих ныне песчаных карьеров, обезобразивших местный ландшафт, продолжают поглощать в своих осыпях памятники тысячелетней древности. Поэтому не удивительно, что в руки жителей Гнездова до сих пор попадают самые разнообразные вещи из разрушаемых погребений. Об одной из таких находок в октябре 1898 г. узнает ревизор Риги-Орловской железной дороги С. И. Сергеев. Сообщив об этом в Археологическую комиссию, он вскоре получает разрешение на раскопку курганов в зоне карьера. Так в конце своей жизни (С. И. Сергеев скончался в 1904 г.) железнодорожный ревизор стал археологом. За четыре сезона с 1898 по 1901 г. С. И. Сергеев не только исследовал около сотни погребений, но и попутно собрал большую коллекцию вещей из поврежденных или уничтоженных курганов, расположенных в центральной группе — западной части могильника Центрального комплекса. Сводка этих случайных находок и была опу-



Центральная группа Гнездовского могильника по плану 1901 г. (В. И. Сязов) с указанием зон раскопок С. И. Сергеева и мест находок вещей.

1 — 12 августа 1900 г.; 2 — 1 сентября 1900 г.; 3 — 8 июля 1900 г.; 4 — 14 июля 1899 г.; (24 августа 1899 г.); 5 — октябрь 1898 г.

I — контур курганной группы; II — вестовый завод.

<sup>2</sup> Там же, с. 12, 14, 15, 17, 19 сл.

<sup>3</sup> Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967, с. 200, 203.

<sup>4</sup> Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, л. 106.

<sup>5</sup> В 1975 г. как результат дорожного строительства перестала существовать Ольшанская группа курганов, насчитывавшая некогда 160 курганов, а несколько ранее — ольшанское селище (Авдусин Д. А., Каменецкая Е. В., Пушкина Т. А. Раскопки в Гнездове. — АО 1975 г., 1976, с. 52).

бликована А. А. Спицыным под № 97 с подзаголовком «Вещи из разрушенных курганов». Ниже приводится перечень находок в порядке их обнаружения. Места находок обозначены на рисунке.

1898 г., лето — трубочка бронзовая (№ 246).<sup>6</sup> Найдена в кургане, место находки неизвестно.

1898 г., октябрь — меч, копье, умбон, куски ремня с бляшками (№ 193—196). Предметы найдены в зоне раскопок 1898 г. Очень вероятно, что вещи происходят из одного кургана.<sup>7</sup>

1899 г., 14 июля — меч, копье, 6 стрел, умбон, наконечник ножен, детали поясного набора, стрелена, две овальные фибулы,<sup>8</sup> гривна с «молоточками Тора», крестик, диргем с ушком (913 г.), две чашечки от весов, бусы, пряжки, подвески (в том числе в форме топорища), гребень, ножницы, ведро, ножи, куски тканей, гвозди, железные пластинки (№ 197—233). Место находки — восточная окраина зоны раскопок 1899 г. Вещи, судя по ситуации находки, составляют единый, но, видимо, далеко не полный комплекс.<sup>9</sup> Вместе с вещами найден скелет лошади.

1899 г., 24 августа — две овальные и одна трехлепестковая фибулы, нитка из 5 бус, два проволочных кольца с бусами, круглая бляшка, половинка бусины, византийская монета (№ 235—241). Монета была утеряна и вновь найдена в 1900 г. (№ 10).<sup>10</sup> Вещи, вероятно, составляют единый комплекс.<sup>11</sup> Место находки — зона раскопок 1899 г., недалеко от «комплекса 14 июля».

1899 г., 31 августа — наконечник копья (№ 234).<sup>12</sup> Место находки неизвестно.

1899 г., 18 сентября — куски-маленькой фибулы, бронзовые гвоздики и пластинки, остатки тканей и ремней (№ 242—245). Вещи найдены в кургане, раскопанном колодцем. Место находки неизвестно.

1900 г., апрель — три сосуда (№ 11, два других без номера). По-видимому, происходят из разных курганов.<sup>13</sup> Место находки — зона раскопок 1899 г.

1900 г., 28 апреля — две овальные фибулы, несколько бусин, круглая пряжка (?), куски кожи и ткани (№ 1—9). Возможно, единый комплекс: «... две фибулы найдены сложенными чашечками вместе и внутри их бусы, пряжка и кусочки кожи и материи». Место находки — зона раскопок 1899 г.<sup>14</sup>

1900 г., 12 июня — пара стремян и топор (№ 22—23). К одному из «стремлян припекся клочок конской шерсти». Вещи происходят из кургана, давно раскопанного колодцем. Место находки — траншея балластного карьера.

<sup>6</sup> В скобках указаны номера вещей по описи, составленной С. И. Сергеевым. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, л. 106.

<sup>7</sup> Спицын А. А. Указ. соч., рис. 107; Фотоархив ЛОИА, III-7759; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, САИ, 1971, Е1-36, т. 3, каталог находок (шиты), № 14.

<sup>8</sup> «... Чашеобразные овальные застёжки с узором и бронзовым украшением по 4 коньковых головки, а середина в виде свиной головки...». — Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, д. 106, л. 9.

<sup>9</sup> Спицын А. А. Указ. соч., рис. 6, 46, 104; Кирпичников А. Н. 1) Древнерусское оружие, САИ, 1966, Е1-36, т. 2, каталог находок (копья), № 43; 2) Древнерусское оружие, т. 3, каталог находок (шиты), № 15.

<sup>10</sup> Архив ЛОИА, ф. 1, 1900, д. 17 (письмо С. И. Сергеева от 14 апреля 1900 г.); Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, 1962, Е4-4, каталог № 104.

<sup>11</sup> Спицын А. А. Указ. соч., рис. 10—11.

<sup>12</sup> Фотоархив ЛОИА, III-7756.

<sup>13</sup> Архив ЛОИА, ф. 1, 1900, д. 17 (письмо С. И. Сергеева).

<sup>14</sup> Фотоархив ЛОИА, III-7758.

1900 г., 8 июля — дротик (в обломке втулки кончик дротика) топор, нож, две чашечки от весов, куски-бронзовой коробочки (№ 24—28).<sup>15</sup> Вещи «происходят из прежде раскопанных колодцем курганов», расположенных у д. Гнездово.

1900 г., 12 августа — четыре бляшки и четыре пуговицы (целые и в обломках) (№ 12—14). Вещи происходят из раскопанных кем-то курганов в северной части группы у шоссе.<sup>16</sup>

1900 г., 1 сентября — удила, стремя (№ 29—30). «... из могилы ниже курганов, вернее, курганом бывшей»; кусок бересты, две чашечки от весов, стержни, «часть шнурочка» (№ 15—18). Место находки — траншея балластного карьера, № 15—18 — недалеко от курганов 1 и 19 раскопок 1900 г.<sup>17</sup>

Среди всех этих находок особенно выразителен «комплекс 14 июля». Не будет преувеличением назвать его одним из самых богатых в Гнездове. Описание ситуации находки позволяет высказать некоторые суждения, правда, сугубо предположительного характера относительно устройства этого разрушенного погребения. По словам одного из помощников С. И. Сергеева, здесь в 1871 г. во время прокладки временной железнодорожной ветки была снесена курганная насыпь. Затем путь разобрали, и через четверть века это место уже оказалось на краю балластного карьера. Все вещи, а вместе с ними и скелет лошади находились ниже дневной поверхности, на глубине около метра.<sup>18</sup> Обращают на себя внимание и другие обстоятельства: во-первых, отсутствие каких-либо упоминаний о кострище (перегорелой земле, угле, золе) и пережженных костях равным образом, как и об остатках вообще человеческих захоронений, во-вторых, хорошая сохранность вещей (ткань, кожа, стрелы с остатками дротиков). Складывается впечатление, что в данном случае мы имеем дело с парным (мужским и женским) захоронением по обряду труположения (кости, очевидно, истлели), сопровождаемым конем и расположенным в грунтовой яме — камере.<sup>19</sup> В этой связи нельзя не вспомнить о двух курганах, раскопанных С. И. Сергеевым в 1900 г. к северу от «комплекса 14 июля».<sup>20</sup> В кургане 18 на глубине около 1,8 м (от дневной поверхности) найдены остатки ведра, гвозди, диргем в куске бересты, гирька и нож с деревянной рукоятью; следов трупосожжения не обнаружено. В соседнем кургане 17 на уровне горизонта отмечены следы ямы, которая, однако, осталась неисследованной; курган пустой. Таким образом, догадка о возможности захоронений в подкурганной яме находит косвенное подтверждение уже в материалах дореволюционных раскопок в Гнездове. Только через сорок лет эта ситуация была засвидетельствована документально, благодаря раскопкам

<sup>15</sup> Там же, III-7760.

<sup>16</sup> Там же, III-7757.

<sup>17</sup> Там же, III-7756, 7757.

<sup>18</sup> Архив ЛОИА, ф. 1, 1899, д. 106, л. 19.

<sup>19</sup> Булкин В. А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья: Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 13.

<sup>20</sup> Архив ЛОИА, ф. 1, 1900, д. 17.

Н. А. Андреева и Н. П. Милонова.<sup>21</sup> Наконец, понадобилось еще почти столько же времени, чтобы предположение о наличии в Гнездове богатых камерных могил стало фактом.<sup>22</sup>

<sup>21</sup> Там же, ф. 35, оп. 1, д. 32.

<sup>22</sup> Авдусин Д. А. Скандинавские ингумации в Гнездове. Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Л.; М., 1976.

В. А. НАЗАРЕНКО

## НОРМАННЫ И ПОЯВЛЕНИЕ КУРГАНОВ В ПРИЛАДОЖЬЕ

В исследованиях последних лет, в частности посвященных приладожским древностям, вопрос взаимодействия норманнов с местным населением сводится к выявлению и описанию скандинавских элементов в материальной культуре и погребальной обрядности с целью определения относительного количества выходцев из Скандинавии. Вывод, венчающий эти исследования, обычно состоит из трех положений: во-первых, признается наличие торговых связей со скандинавскими странами; во-вторых, отмечается относительная малочисленность пришельцев; в-третьих, отрицается возможность их существенного влияния на судьбы местного населения.<sup>1</sup> Между тем сведение анализа деятельности норманнов в Приладожье к определению количества скандинавских погребений в приладожских курганах позволяет обосновать лишь один вывод, а именно положение об относительной малочисленности пришельцев, которое уже само по себе служит исследователям основанием для отрицания существенного влияния норманнов на жизнь восточноевропейских народов. Однако как бы незначительна ни была роль скандинавов, в Киеве и Гнездове, Ярославском Поволжье и Приладожье, в силу ряда особенностей исторического развития этих районов она должна была быть различной. Поэтому основой изучения проблем, связанных с пребыванием норманнов в Восточной Европе, одним из частных моментов которого можно считать и вопрос о наличии и характере торговых связей со Скандинавией, должно быть не столько рассмотрение собственно норманнских древностей, сколько детальное исследование социально-экономической, политической и этнической истории тех племен и народов, на территории которых исторически или археологически зафиксировано присутствие скандинавов.

<sup>1</sup> Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, с. 53—60; Тухтина Н. В. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 165—177.

Южное и юго-восточное Приладожье — один из районов Восточной Европы, где пребывание выходцев из Скандинавии доказано определенно.<sup>2</sup> Главным, если не единственным, источником для реконструкции истории древних коллективов, обитавших в Приладожье в конце I — начале II тыс. н. э., является материал приладожских курганов. В настоящей статье предпринята попытка осветить лишь одну из множества тем, связанных с деятельностью норманнов в Приладожье, а именно их роль в происхождении Приладожской курганной культуры.

В лесной зоне Восточной Европы, на территориях к северу от верховьев Волги, Днепра и Западной Двины, исследователи знают лишь два вида широко распространенных погребальных памятников, характеризующихся наличием насыпей над захоронениями, сооружение которых может быть отнесено ко времени не позднее последней четверти I тыс. н. э. Это сопки и длинные курганы. Оба вида погребальных сооружений в недавнее время были объектом специальных исследований В. В. Седова, определившего границы их распространения, хронологию и культурную принадлежность.<sup>3</sup> На территории, где начиная с конца I тыс. н. э. мы фиксируем курганные насыпи так называемого «приладожского типа», сопки и длинные курганы неизвестны. Исключение составляет лишь район среднего течения р. Сяси, недалеко от места ее слияния с р. Тихвинкой, где ареалы сопок и приладожских курганов соприкасаются. Перечень погребальных памятников, предшествующих по времени появлению курганной древности в Приладожье, был бы неполным без упоминания насыпей небольшого скандинавского могильника в урочище Плакун близ Старой Ладogi, датирующихся IX — первой половиной X столетия.<sup>4</sup> Таким образом, сопками и насыпями Плакунского могильника ограничивается круг погребальных памятников VIII—X вв., характеризующихся курганным способом захоронения и расположенных в непосредственной близости от территории Приладожской курганной культуры.

Время, в течение которого жители Приладожья погребали умерших под курганными насыпями, исследователи определяют концом IX—XIII вв. Однако среди приладожских захоронений нет ни одного, дата которого могла бы быть с уверенностью отодвинута в IX или XIII столетие. Подавляющее большинство погребений в курганах Приладожья

<sup>2</sup> Рыздзевская Е. А. Старая Ладога в древнесеверной литературе. — КСИМК, 1945, 11, с. 58—62; Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. — В кн.: Скандинавский сборник. Таллин, 1971, вып. 16, с. 123—131.

<sup>3</sup> Седов В. В. 1) Новгородские сопки. — САИ, 1970, Е1-8; 2) Длинные курганы кривичей. — Там же, 1974, Е1-8.

<sup>4</sup> Козухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладogi. — КСИА, 1971, 125, с. 59—64; Булкин В. А., Назаренко В. А., Носов Е. Н. О работах Староладожского отряда. — В кн.: АО 1971 г., 1972, с. 31, 32.